

Жизнь как предмет философско-правового исследования

Грехов В.А.

Феномены жизни и смерти всегда были увязаны в истории человечества. В ходе своего исследования, мы показали, что, как философская проблема, право на жизнь и право на смерть также не могут быть рассмотрены в отрыве друг от друга.

В процессе мировой истории изменяется понимание жизни, возникает представление о ней как о высшей ценности, формируется концепция естественных прав человека. Казалось бы, прогресс очевиден. Но он является лишь формально-юридическим; и если обратиться к существующей ситуации с практической точки зрения, то можно увидеть, что, создав новое законодательство, закрепив в пактах и конституциях естественные права, человечество кардинально не изменилось. Насилие и убийства по-прежнему являются такими же «естественными» составляющими нашей жизни, как собственно и сама жизнь. С одной стороны, объяснение этому можно найти в самой человеческой природе.

С другой стороны, причина, на наш взгляд, кроется в действующей системе права. С юридической точки зрения право на жизнь представляется как основополагающее, общеобязательное, высшее естественное право человека, гарантирующее каждому индивиду физическую неприкосновенность и безопасность. Рассмотрим, согласно определению, данное право в каждом его аспекте.

Итак, мы можем определить право на жизнь следующим образом:

- 1) это *основополагающее* право; иными словами, оно делает возможным реализацию всех прочих прав человека;
- 2) это *общеобязательное* право, то есть оно применимо ко всем, без исключения, людям;
- 3) это *высшее* право, а, следовательно, без его реализации невозможна реализация других – социальных, гражданских, культурных, политических и прочих прав;
- 4) это *естественное* право человека, так как оно присуще ему с рождения и не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах.

Тем не менее, несмотря на свой юридически закрепленный «всеобщий» и «неотчуждаемый» характер, право на жизнь не может быть гарантировано государством постоянно всем, без исключения, людям. Действия каждого конкретного индивида могут привести к тому, что он может быть лишен данного права, и государство, а также прочие индивиды получают право подвергнуть его легитимному насилию и убийству.

Во-первых, это относится к странам, в которых в качестве высшей меры наказания применяется смертная казнь. В соответствии с законодательством и должной правовой процедурой осужденный может быть лишен жизни «во благо общества и государства». Во-вторых, право на жизнь может быть ограничено, в случае, если действия или *само существование* человека

являются угрозой для государства и общества (так, дозволительным считается убийство человека в случае, если его действие или бездействие неизбежно приводили к общественно опасным последствиям, и его уничтожение являлось единственным способом предотвращения этих последствий). В-третьих, в качестве отдельного пункта следует выделить терроризм.

Несомненно, что он является лишь частным проявлением второго вышеизложенного пункта. Но фактически, современная мировая обстановка говорит о том, что терроризм сейчас является наиболее опасным видом антиобщественной деятельности.

Сегодня терроризм – это нечто большее, чем «враг», необходимый для осуществления глобализации, он представляет действительно реальную угрозу (по крайней мере, в этом нас хотят убедить) для современной цивилизации. Несмотря на то, что в юридической терминологии до сих пор нет четкого определения для этого понятия, любой человек, который может подойти под определение «террорист» воспринимается обществом даже не как враг. Он просто не является человеком; он лишается всех прав и объявляется вне закона. Его не судят, его убивают. Фактически, мы сталкиваемся с национальной, этнической проблемой, с конфликтом между правовыми и религиозными системами. Но неужели уместно полагать, что люди, живущие по другим законам, имеющие другие моральные ценности должны подчиняться идеям и принципам, которые им пытаются навязать? Еще Дж. Локк спрашивал о том, «...по какому праву какой-либо владыка или государство могут приговаривать к смерти или *наказывать чужеземца* за любое преступление, совершенное им в их стране?» [Локк Дж. Сочинения в 3 томах. Том 3. М., 1988. С. 266]. И далее: «Те, кто обладает верховной властью издавать законы в Англии, Франции или Голландии, для индейца таковы же, как и весь остальной мир, – люди, не обличенные властью. Следовательно, если по закону природы каждый человек не обладает властью наказывать за нарушения этого закона в тех случаях, когда по здравом размышлении обстоятельства этого требуют, то я не вижу, каким образом судьи какого-либо общества могут *наказывать чужеземца* из другой страны, поскольку в отношении него они обладают не большей властью, чем каждый человек обладает ею в отношении другого» [Там же. С. 267]. Говоря о всеобщности прав человека мы подразумеваем, что они применимы ко всем, без исключения людям. Юридическая доктрина полагает, что современные культуры являются достаточно «открытыми» для того, чтобы принять эти принципы западной цивилизации. Но нам представляется, что такие характерные культурные особенности Запада, как индивидуализм и рационализм неприемлемы для Востока. Попытки Запада навязать силой свои принципы, проводя гегемонистскую политику, вероятно, обречены на провал ввиду несовместимости ценностей и различных представлений о духовности, свойственных двум различным типам человеческих цивилизаций. Мы согласны с Ивановым В.Н. в том, что «Международный терроризм во многом есть обратная сторона политики глобализации США и других стран... Глобализация по-американски – это еще и навязывание всему миру своей массовой культуры,

способов жизни и мировоззрения» [Иванов В.Н. Феномен терроризма // Социс. № 7, 2005, С. 64].

Таким образом, мы показали, что представляет собой право на жизнь с юридической точки зрения. Фактически же, оно означает, что ни один человек не может быть лишен жизни или подвергнут насилию произвольно, без должной правовой процедуры. Учитывая сказанное, можно утверждать, что государство подвергает запрету всякое насилие или убийство, лишь для того, чтобы присвоить себе монопольное легитимное право на эти формы наказания и физического принуждения. Эта действительная система противоречит идеалу правового государства, в котором государственная власть обязана опираться на законы и право, для чего она должна творить их, имея в виду незыблемые права, свободы каждой отдельной личности, но в то же время ориентируясь на общие цели политического сообщества. Но если прагматически взглянуть на систему власти, то становится очевидным, что без надлежащего силового регулирования сохранить стабильное государство вряд ли представляется возможным. Макиавелли в трактате «Государь» полагал, что «люди меньше остерегаются обидеть того, кто внушает им любовь, нежели того, кто внушает им страх, ибо любовь поддерживается благодарностью, которой люди, будучи дурны, могут пренебречь ради своей выгоды, тогда как страх поддерживается угрозой наказания, которой пренебречь невозможно» [Макиавелли Н. Государь. Минск, 1999, С. 34]. И именно на страхе, в первую очередь, а только потом на авторитете и уважении, по мнению Макиавелли, строится система подчинения человека своему государю.

И всё же можно полагать, что наш анализ права на жизнь был неполным. Мы рассмотрели лишь юридическое его определение, упустив из виду механизмы реализации данного права. Если попытаться исправить это упущение, и предоставить право на жизнь в виде стандартной правовой нормы, то в контексте российского законодательства она будет выглядеть таким образом:

- 1) Гипотезой (то есть моментом вступления в силу) права на жизнь будет считаться момент рождения индивида;
- 2) Диспозиция (то есть основная часть нормы, правило поведения) будет заключаться в самом факте существования человека, и его действиях, направленных на сохранение своей жизни или на её уничтожение;
- 3) Санкцией (то есть наказанием за несоблюдение данного права) будет являться преимущественно 16 глава УК РФ «Преступления против жизни и здоровья».

Действительно, право на жизнь, записанное в Конституции РФ, закрепляется лишь с помощью УК РФ.

Реализация права на жизнь состоит из двух взаимосвязанных условий. Во-первых, сам индивид реализует это право просто фактом своего физического существования. Во-вторых, все прочие индивиды способствуют реализации этого права, не совершая насилия по отношению к правообладателю.

Следовательно, можно утверждать, что право на жизнь зависит как от воли человека, так и от воли государства, общества, окружающих его людей. Причем сложно однозначно утверждать, какая из этих сторон играют большую роль в реализации данного права.

Можно выделить целый ряд проблем, связанных с реализацией человеком права на жизнь, а также с пониманием этого права.

В частности, речь идет о трех вопросах:

- 1) С какого момента возникает право на жизнь?
- 2) Дает ли право человека на жизнь возможность *полного* распоряжения жизнью?
- 3) Как можно понимать право на жизнь в контексте идеи правового государства?

Рассмотрим эти вопросы по порядку, и проанализируем философские условия их раскрытия, а также правовые аспекты возможности решения обозначенных проблем.

1. Проблема возникновения права на жизнь.

Данную проблему можно опосредованно представить в виде вопроса: когда, согласно законодательству, человек становится человеком? В настоящий момент существуют две основные точки зрения на данную проблему. Согласно первой (в частности, она утверждена в российском законодательстве), право человека на жизнь возникает с момента рождения, либо тогда, когда он отделен от матери и может «дышать в полную силу». Другая точка зрения склоняется к мнению, что право на жизнь возникает непосредственно с момента зачатия, исходя из предположения о том, что плод будет жизнеспособным. Недостатки первого подхода достаточно очевидны.

Во-первых, если признание права на жизнь возможно лишь после рождения, то ребенок, находясь в утробе матери, ограничен во всех прочих правах (прежде всего, в гражданских). Таким образом, возникают серьезные правовые ограничения – например, на имя нерожденного ребенка невозможно завещать какое-либо имущество, а его жизнь будет защищаться лишь постольку, поскольку будет защищаться жизнь его матери.

Во-вторых, отказ признавать права человека до его рождения тождественен отказу признавать плод человеком. С этической точки зрения, это представляется нам неуместным и некорректным.

Что касается второго подхода, то следует отметить, что признание права на жизнь в момент зачатия логически приводит к необходимости признать аборт умышленным убийством (эту позицию отстаивает Католическая церковь), что и практикуется сейчас в Ирландии. Но на наш взгляд, запрет на проведение аборт ни в коем случае не может решить проблему, а наоборот, лишь усугубит её. Дело даже не в том, это может привести к возникновению определенных социальных проблем.

Нужно сказать, что, к сожалению, нередки случаи, когда проведение аборта является необходимым по медицинским причинам. В частности, отражение этого можно увидеть в законодательстве РФ: «Искусственное

прерывание беременности производится по желанию женщины при сроке беременности до 12 недель, по социальным показаниям - при сроке беременности до 22 недель, а при наличии медицинских показаний и с согласия женщины - независимо от срока беременности» [Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 года, ст. 36].

Таким образом, обе позиции имеют свои недостатки - как правовые, так и этические. И всё же, мы полагаем, возможен вариант, который мог бы объединить преимущества обеих вышеизложенных точек зрения, одновременно сводя до минимума их противоречия. Для того чтобы изложить его, нам необходимо обратиться непосредственно к медицинскому аспекту проблемы, одновременно попытавшись ответить на поставленный выше вопрос: «когда человек становится человеком?». Если подойти к решению этого вопроса не с философских позиций, а с биологической точки зрения, то можно утверждать, что это происходит тогда, когда зародыш приобретает характерные исключительно для человека особенности строения тела, то есть основные признаки *homo sapiens*.

Согласно медицинским данным, развитие плода протекает на протяжении 9 месяцев, причем по прошествии 4 недель можно говорить о формировании нервной и сердечно-сосудистой системы, проявлении активности мозга и сердца. К 8 неделе большинство органов ребенка уже сформированы, и в дальнейшем будет происходить только их рост. На этой стадии беременности, благодаря современным технологиям можно получить представление о состоянии плода, его жизнеспособности, наличии заболеваний. Примерно с 10 недели ребенок начинает проявлять двигательную активность, что свидетельствует о высшей нервной деятельности.

Нам представляется, что с этого момента – по прошествии 2,5-3 месяцев с момента зачатия вполне можно признать плод человеком и наделить его основными правами (разумеется, мы говорим лишь об условной правоспособности). Таким образом, это будет своего рода компромиссом между двумя вышеизложенными позициями. С одной стороны, практика абортостановления останется в силе, причем отведенного времени вполне достаточно, чтобы выявить возможные патологии плода. В таком случае, быть может, будет гуманнее предотвратить его появление на свет.

С другой стороны, ребенок на достаточно ранней стадии своего развития получит определенные гражданские права (например, право наследования), а также право на жизнь, что фактически означает необходимость его защиты государством (в том числе и от противоправных действий матери, и от произвола врачей). Самым явным недостатком данного подхода является сложность *точного* определения возраста плода. Но благодаря развитию медицинской науки и современных технологий, надеемся, данный вопрос может быть вполне разрешен в будущем.

2. Проблема возможного распоряжения правом на жизнь.

В течение жизни каждый человек неоднократно сталкивается с проблемой реализации данного права. Формально, каждую секунду человек реализует его самым фактом своего существования. Тем не менее, речь идет не об этом, а о сознательном, индивидуальном выборе; человек, обладающий дееспособностью, вправе определять для себя меру риска и ответственности, на которые он готов пойти ради достижения своих целей. При этом наличие риска для жизни (допустим, связанного с профессиональной деятельностью) предполагает тот факт, что человек будет пытаться избежать чрезмерной опасности, и всеми силами стремиться к сохранению своей жизни и здоровья.

Тем не менее, иногда возникают ситуации, когда человек, не считая необходимым продолжать свое существование, принимает добровольное решение о лишении себя жизни. Самоубийство – достаточно сложное явление, (одной из его форм является эвтаназия, о которой речь пойдет в следующей части данной работы) и нашей целью не является изучение различных его аспектов, причин, последствий. Наша задача заключается в том, чтобы попытаться ответить на вопрос: «является ли прекращение жизни одним из правомочий права человека на жизнь?»; или можно спросить иначе: «обладает ли человек правом на смерть?».

Для того чтобы попытаться ответить на этот вопрос, нам следует обратиться к работе Э. Дюркгейма «Самоубийство: социологический этюд», в которой автор комплексно анализирует данное явление не только с социологической точки зрения, но также с морально-нравственной позиции. В частности, автор утверждает: «причина смерти чаще лежит вне нас, чем внутри нас» [Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М., 1994. С. 11]. С этой позиции проблема самоубийства не является психологической в полном понимании. Скорее это явление, которое должно изучаться несколькими науками: социологией, медициной, юриспруденцией. С точки зрения последней, самоубийство достаточно долгое время считалось противоправным деянием; человек, покушавшийся на самоубийство, подвергался различным санкциям, вплоть до тюремного заключения и повешения.

Самоубийство считалось аморальным проступком, который санкционировался захоронением покойного за оградой кладбища и аннулированием его завещания. Впоследствии от какого-либо преследования самоубийц было решено воздержаться. Дюркгейм объясняет это несколькими причинами.

В частности, жалостью, которую самоубийца вызывает у общества и бессмысленностью применения самого наказания. При этом автор отмечает: «Единственное, что возможно – это лишить самоубийцу почестей, правильного погребения, лишить покушавшегося на самоубийство некоторых гражданских, политических или семейных прав... Общественное мнение, нам кажется, легко согласится на то, что человек пытавшийся уйти от своих главных обязанностей, пострадал бы в соответствующих правах» [Там же. С. 358]. Но всё же, мы уверены в том, что наказывать самоубийц бессмысленно. Дело даже не в том, что это противоречит морально-этическим принципам; сложно представить,

что человек, решивший свести счеты с жизнью, изменит свое решение под страхом юридических санкций. Наказание, как прямое следствие преступления, включает в себе четкие функции, ни одна из которых не будет работать в отношении самоубийц. Таким образом, можно утверждать, что феномен самоубийства находится на грани законности, и хотя попытка самоубийства не может подвергнуться наказанию, она, тем не менее, посягает на общественные устои, (то есть, является антиобщественным, но не противоправным деянием) и должна быть по возможности предотвращена. Пассивность человека в критической ситуации, его *непрепятствование* самоубийству может расцениваться как преступное бездействие.

Кроме того, практически в каждом источнике уголовного права современных стран существует статья, которая определяет меру наказания для человека, который своими противоправными действиями (принуждением, унижением личного достоинства, издевательствами) довел другого человека до самоубийства.

Следовательно, можно говорить о том, что покушение или сам факт самоубийства не является сферой действия позитивного права. Оно не разрешает и не запрещает человеку покончить с собой, а просто игнорирует данное деяние; при этом, выпуская из сферы своего внимания само событие, юридическая наука уделяет особое внимание лицам и фактам, которые могли быть причиной этого события, или могли бы его предотвратить.

Поскольку позитивное право отстраняется от решения данной проблемы, предоставляя психологии и социальным наукам возможность её изучения, мы можем в своей деятельности действовать согласно принципу «разрешено всё, что не запрещено законом», исходя из которого, мы вынуждены признать, что каждый человек имеет право расстаться с жизнью.

Об этом же говорит Дюркгейм, утверждая, что наличие права человека на жизнь логически обуславливает его возможность отказаться от осуществления данного права. С практической точки зрения, возможности человека, решившего покончить с собой, ничем не ограничены. Так или иначе, при *действительном* намерении индивида расстаться с жизнью, несмотря на любые препятствия, он несомненно, рано или поздно, достигнет цели. Справедливости ради следует отметить, что данный ответ не является однозначным.

Так, Дж. Локк писал: «...у него [человека] нет свободы уничтожить себя или хотя бы какое-либо существо, находящееся в его владении, за исключением тех случаев, когда это необходимо для более благородного использования» [Локк Дж. Сочинения в 3 томах. Том 3. М., 1988. С. 264].

Очевидно, что для Локка самоубийство отождествляется с убийством вообще, что является не только аморальным, но и противоправным. При этом допускается убийство во имя высшего блага, всеобщих идеалов. Но насколько это правомерно и справедливо? К этому вопросу мы вернемся во второй части нашей работы.

Самоубийства являются глубокой социально-психологической проблемой нашего общества, и сейчас сложно сказать что-либо о конкретных перспективах её разрешения. Превентивная профилактика, которая является целью созданной в 1960 году Международной ассоциации по предупреждению самоубийств дает весьма спорные результаты, а психологическая помощь, предоставляемая каждому отдельному человеку (например, при помощи «телефонов доверия») не всегда бывает эффективной и своевременной.

Дюркгейм подчеркивал: «Человек тем более подвержен саморазрушению, чем более он отрезан от коллектива в любой форме» [Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М., 1994. С. 277], и поэтому проблема самоубийств должна решаться всем человеческим обществом. Возможно, что комплексный подход различных ученых приведет к определенным положительным результатам, но суицидологии вряд ли удастся значительно уменьшить число самоубийств, которые занимают особое место в списках Всемирной Организации Здравоохранения, посвященных причинам смертности населения Земли.

3. Проблема трактовки права на жизнь.

Для того чтобы попытаться решить данную проблему, нам необходимо обратиться непосредственно к понятию «жизнь». На наш взгляд, можно выделить три основных подхода к феномену жизни – биологический, социальный и духовный.

С одной стороны, жизнь – это одна из форм *существования* материи, характерная для органических тел, признаками которой являются обмен веществ, рост, размножение и движение. В данном контексте право на жизнь представляется нам правом исключительно на физическое *существование* индивида.

Если обратиться к другой точке зрения, социальной, то жизнь человека представляется нам как *взаимодействие* людей и всего общества в целом по различным вопросам – прежде всего, имущественным и политическим. Тогда право на жизнь становится чем-то большим, чем просто гарантия физического существования человека: «Что значит право на жизнь? Вероятно, оно означает не просто физическое бытие или прозябание человека на земле, а право вести *полнокровную, отвечающую современным стандартам жизнь*. И государство обязано создавать для этого соответствующие условия» [Кашанина Т.В., Кашанин А.В. Основы российского права. М., 2002. С. 132].

С духовной точки зрения жизнь – это, прежде всего, *развитие* человека, его *самосовершенствование*, которое может быть основано на вере, морали, культуре. С этой точки зрения, право на жизнь представляется нам тождественным правам на свободу совести, вероисповедания, мысли и слова. Именно они гарантируют духовную и творческую свободу человека. По словам Новгородцева, «Жизнь с этой точки зрения принадлежит человеку не для того, чтобы просто жить, а чтобы жить достойным образом, чтобы выполнить свое нравственное призвание» [Новгородцев П.И. Об общественном идеале М., 1973. С. 21].

Стоит заметить, что основоположник естественного права, Дж. Локк, выделяя три основополагающих права человека – на жизнь, свободу и имущество тесно связывал их между собой, и полагал, что реализация их отдельно друг от друга невозможна. Нарушением права на жизнь является, по Локку, уже всякое закабаление индивида, всякое насильственное присвоение его производительных способностей. Не убийство как таковое, является вопиющим нарушением права на жизнь, а рабство, то есть *экономическое* состояние, при котором один человек получает в полное распоряжение жизненные силы другого и волен совершить над ним все что угодно.

В действующем законодательстве Российской Федерации право на жизнь трактуется с первой точки зрения, то есть исключительно как биологическое существование индивида. Несмотря на то, что в Конституции России позиционируется как «демократическое федеративное правовое государство», а вторая глава целиком посвящена правам и свободам человека, мы глубоко убеждены, что право на жизнь в *правовом государстве* следует трактовать и закреплять в другом виде.

В данном исследовании мы понимаем право на жизнь как группу смежных прав на неприкосновенность личности и её развитие. В эту группу входят как гражданские, так и социальные, культурные и, частично, экономические и политические права. Они должны гарантировать безопасность не только физического, но и психического состояния человека, обеспечивать юридическую защиту имущества, частной жизни, чести и достоинства личности, способствовать реализации культурных, социальных и политических прав.

Только так, на наш взгляд, в праве на жизнь может быть отражена многогранная сущность человека, его личность и убеждения, защита которых не менее важна, чем обеспечение физической безопасности индивида.